

Артур Петровский, Вадим Петровский

КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ (К ПОСТРОЕНИЮ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ)*

Аннотация. Предлагается онтологическая модель личности, объединяющая в себе ряд идей, развиваемых авторами в противовес «коллекционерскому» подходу, который сводит личность к конгломерату свойств, не имеющих системообразующего основания. Авторы считают системообразующим основанием активную включенность индивида в общественные отношения – его субъектность, развивающуюся в общении и совместной деятельности и ею опосредованную. Вводятся новые теоретические конструкты – «потребность персонализации» и «способность персонализации». Рассмотрены три пространства существования личности: интраиндивидуальное, интериндивидуальное и метаиндивидуальное. Представлен метод отраженной субъектности. Выделены методологические условия построения и постулаты развиваемой авторами теории личности.

Ключевые слова: личность; субъект; субъект-субъект-объектные и субъект-объект-субъектные отношения; метод отраженной субъектности; интраиндивидуальное, интериндивидуальное и метаиндивидуальное пространства существования личности; потребность персонализации; способность персонализации; постулаты теории личности.

Abstract. Ontological model of personality integrating a number of ideas that are developed by the authors contrary to “collectivist” approach in which personality is reduced to a conglomeration of different qualities without backbone basis is proposed. The authors consider that active person’s involvement into social relations – his subjectivity, which is developed in communication and joint activity and is mediated by the latest, forms a backbone basis. New theoretical constructs such as “need for personalization” and “faculty for personalization” are introduced. Three spaces of person’s existence: “intra-individual”, “inter-individual” and “meta-individual” are examined. The method of reflected subjectivity is described. Methodological conditions for construction and postulates of personality theory developed by the authors are marked out.

Keywords: personality; subject; subject-subject-object and subject-object-subject relations; intra-individual, inter-individual and meta-individual spaces of person’s existence; need for personalization; faculty for personalization; postulates of theory of personality.

* В основе данной статьи – текст гл. 9 из книги А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского «Основы теоретической психологии» [1], которая написана А. В. Петровским. Статья включает в себя параграфы, отмеченные А. В. Петровским как подготовленные им совместно с В. А. Петровским [1, с. 223 –270].

Становление
понятия «личность»
в психологии

Личность – важнейшая среди метапсихологических категорий. В ней оказываются интегрированы все базовые категории: индивид, образ, действие, мотив, отношение, переживание.

Очевидно, что человек – это не конгломерат разрозненных признаков, психических элементов. В практике общения люди усматривают друг в друге более или менее целостный образ, который позволяет отличать одного субъекта от другого не только по его внешнему, но и по внутреннему облику.

В 60–80-е годы XX века проблема личности и сущности ее психологических характеристик приобрела в России остроту и актуальность и породила оживленные дискуссии.

«Коллекционерский»
подход

Уже к середине 1970-х годов был преодолен «коллекционерский» подход к личности, превращавший ее в некую емкость, принимающую в себя черты темперамента, характера, преобладающие потребности и интересы, способности, склонности, когда личность выступала как набор качеств, свойств, характеристик, особенностей. В условиях такого подхода задача психолога сводилась к каталогизации всех этих признаков и выявлению индивидуальной неповторимости их сочетаний для каждого отдельного человека.

Представление
о личности как
коллекции
индивидуальных
черт

Представление о личности как коллекции индивидуальных черт оказывалось удивительно неэвристичным уже хотя бы потому, что стирало грань между понятиями «личность» и «индивид», дробило личность на составляющие, рядоположенные друг другу, и лишало понятие «личность» его категориального содержания, той высшей степени обобщенности, без которой не может быть построена ни одна психологическая концепция [2].

При подобной «коллекционерской» ориентации быстро выявились затруднения, связанные с переходом от общепсихологического понимания личности к рассмотрению проблем ее развития (в возрастной и педагогической психологии), ее реабилитации (в медицинской психологии и патопсихологии) и, наконец, к изучению ее в системе межличностных отношений в социальной психологии. Все это поставило в повестку дня вопрос о необходимости структурирования многочисленных личностных качеств (число которых, как было уже тогда подсчитано, равнялось полутора тысячам, а то и больше). С середины 60-х годов предпринимаются попытки выяснить общую структуру личности. Бесспорно, это было шагом вперед по сравнению с преобладавшими в прошлом перечислительными трактовками.

Структура личности может интерпретироваться как некая контаминация биологических и социальных особенностей

Очень скоро обнаружилось, что общая структура личности интерпретируется, главным образом, как некая контаминация биологически и социально обусловленных ее особенностей. Проблема соотношения биологического и социального с этого момента приобретает едва ли не центральное положение в психологии личности. Полемика по проблемам личности (1969 г.) во многом проходила под знаком понимания ее как биосоциального существа и структурного подхода к ней. И хотя понимание структуры личности вызывало споры, все больше утверждалось мнение, что в личности должны быть выделены «исключительно социально обусловленная подструктура» и «биологически обусловленная подструктура». Правда, иногда указывалось на наличие еще двух подструктур – опыта и индивидуальных особенностей форм отражения. Однако отнесение их к сфере социального или биологического не уточнялось, а лишь глухо отмечался их промежуточный характер.

Личность – субъект и продукт общественного развития

Такое структурирование было бы понятно, если бы речь шла о человеке как индивидуальности. Биосоциальная природа человека и его индивидуальности спора вызывать не может. Но личность – субъект и продукт общественного развития, превратившего биологическую особь в творца исторического процесса, – явно не могла сохранять биологическую подструктуру, рядоположенную подструктуре социальной. Нельзя было ставить знак равенства между понятиями «личность» и «человек», «личность» и «индивид».

Сомы индивида влияют на течение его психических процессов

Разумеется, сома индивида, его эндокринная система, преимущества и дефекты его физической организации влияют на течение его психических процессов и формирование психических особенностей. Но из этого не следует, что «четверть» или «треть» его личности (как особая подструктура) должна быть отдана в ведение биологии. Биологическое, входя в личность человека, становится социальным, переходит в социальное. Например, мозговая патология порождает в человеке, в структуре его индивидуальности, биологически обусловленные психологические черты, но личностными чертами, конкретными особенностями личности они становятся или не становятся в силу социальной детерминации. Оставался ли этот индивид как личность просто умственно неполноценным или он становился почитаемым «уродивым», «блаженным», то есть своего рода исторической личностью, к пророчествам которой в давние времена прислушивались

люди, зависело от исторической среды, в которой его индивидуально-психологические черты сформировались и проявились. Природные, органические стороны и черты выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы.

Системный подход
в понимании
личности

К концу 1970-х годов ориентация на структурный подход к проблеме личности сменилась тенденцией применения системного подхода. Можно ли здесь говорить о каком-либо новом этапе развития психологической теории? Этот вопрос уместен, если учесть, что не так просто уловить разницу в использовании понятий «структурный подход» и «системный подход». Не случайно часто пишут через дефис: «системно-структурный подход». И все-таки есть определенные основания для выделения нового этапа теоретического развития. Дело в конечном счете не в фактическом сближении (а может быть, и неразличимости) понятий «структура» и «система», а в том, что на самом деле мыслят в каждом из этих понятий в конкретно-психологических исследованиях.

Отношение
целостной структуры
личности к её
подструктурам

Методологическая и экспериментальная работа, протекавшая в рамках структурного подхода, сосредоточила внимание психологов на классическом вопросе, как относится часть к целому и целое к части – целостная структура личности к различным ее подструктурам, и наоборот. И все в основном вращалось вокруг этого. Главное, очевидно, в том, что «структуралистские» декларации не были в свое время обоснованы и поддержаны предварительной методологической проработкой; философский анализ понятия «структура личности» не предшествовал анализу психологическому. И это не могло не сказаться на результатах.

Применение
системного подхода к
разработке
психологической
теории личности

Иная ситуация характеризует применение системного подхода к разработке психологической теории личности. За его «подключением» к психологии стоит длительная и эффективная работа специалистов-«системников». Это именно та обязательная методологическая проработка, без которой нельзя всерьез приниматься за решение конкретных психологических проблем. Необходимо было усвоить общие принципы системного анализа. Лишь после этого можно было переносить его в психологию личности. Однако нельзя сказать, что так уж легко и просто осуществить такой процесс. Например, принципы системного анализа, обязательные для построения теории личности, требуют выделения системообразующего признака личности. Но этот системообразующий признак должен быть обнаружен не в общих

Единство, но не тождество понятий «личность» и «индивид»

системных представлениях, а в самой ткани психологической реальности.

Признание несомненного единства, но не тождества понятий «личность» и «индивид» (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев и др.) порождало ряд вопросов. Среди них и вопрос о том, что представляет собой это особое системное качество индивида, которое обозначается термином «личность» и оказывается несводимым к биологическим предпосылкам, включенным в природу его носителя – индивида.

А. Н. Леонтьев писал: «Личность \neq индивид: это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид вовлекается... Иначе говоря, личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его природными и приобретенными свойствами» [3]. И там же: «С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это – исследование его места, позиции в системе, которая есть система общественных связей, общений, которые открываются ему; это исследование того, что, ради чего и как использует человек врожденное ему и приобретенное им...» [Там же].

Новое психологическое измерение соотношения индивида и личности

Предложенному А. Н. Леонтьевым пониманию соотношения индивида и личности, заключающемуся в «новом психологическом измерении», ином, чем измерение, в котором ведутся исследования психических процессов, свойств и состояний человека (другими словами, за пределами традиционного «индивидуально- или дифференциально-психологического» раздела общей психологии), во многом отвечает концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений. С этой точки зрения личность может быть понята только в системе устойчивых межиндивидных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти связи вполне реальны, но по природе своей «сверхчувственны»; они заключены в конкретных свойствах индивида, но к ним несводимы; они даны исследователю в проявлениях личности каждого члена группы, но вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, определяющие особую позицию каждого в

системе межиндивидуальных связей, шире – в системе отношений в социуме.

Формула «Личность \neq индивид» побуждала исследователей к постановке парадоксального вопроса: «Существует ли личность?»

«Существование личности» как психологическая проблема

В этом виде он представлен в разрабатываемой В. А. Петровским *концепции личности как causa sui (причины себя)* [4; 5].

Определяющей характеристикой личности в данной концепции является субъектность, то есть полагающая себя причинность индивида в его взаимоотношениях с миром. «Быть личностью» – значит быть субъектом себя самого, своего существования в мире, носителем идеи «Я» как причины себя (идеи *causa sui*).

...Сомнение в возможности «быть причиной себя»

Исходным пунктом теории является сомнение в самой возможности для индивида быть субъектом себя, то есть целостным, целеустремленным, развивающимся существом, что, в свою очередь, равносильно сомнению в подлинности самого феномена «личности». Источник этого сомнения – в трудности примирить идею субъектности человека с традицией телеологического истолкования активности («постулат сообразности»), а также альтернативной схемой внецелевой интерпретации источников и механизмов активности («принцип неадаптивности»).

«Постулат сообразности» и его критика

Суть «постулата сообразности» заключается в том, что индивиду приписывают будто бы изначально свойственное ему стремление к «внутренней цели», полагая при этом, что она «как закон» определяет все проявления его активности [6]. Активность, согласно постулату сообразности, должна быть понята как в глубине своей соответствующая («сообразная») изначальному устремлению, в которых якобы заранее предвосхищено некоторое будущее состояние индивида. Предполагается, что такая «внутренняя цель» устремлений может не осознаваться, но она обязательно есть. Отклонение от этого, всеми подразумеваемого соответствия расценивается как признак несовершенства (болезнь, незрелость, некомпетентность и т. п.). Если под адаптивностью (в широком смысле) понимать своего рода нацеленность индивида на реализацию этой «внутренней Цели» (Цели с большой буквы), то речь здесь, таким образом, идет о тотальной адаптивной направленности психических процессов и поведенческих актов, стремлении элиминировать все, что не относится к Цели (поэтому термины «сообразность» и «адаптивность» в указанном смысле являются синонимами). «Постулат сообразности» как

общий принцип интерпретации активности присущ коллективному бессознательному исследователю, принимающему на веру существование гипотетической Цели. Но эта, прямо не формулируемая телеологическая предпосылка манифестирует себя в гомеостатических, гедонистических, прагматических и других концепциях и версиях происходящего в зависимости от того, как истолкована постулируемая «изначальная Цель» («равновесие», «наслаждение», «извлечение преимуществ» и др.).

Постулат
сообразности
несовместим
с представлениями
о личности как
целостном субъекте
активности

Анализ показывает, что «постулат сообразности» несовместим с представлениями о личности как целостном субъекте активности: его свобода выступает здесь как иллюзия самосознания, целеполагание сводится к заданности, целостность – к единообразию, развитие – к самодетерминации в рамках предсуществующего («преформизм»). Кроме того, обнаруживается самопротиворечивость гомеостатической, гедонистической и прагматической разновидностей постулата сообразности. Они как бы свидетельствуют «против себя», снимают себя изнутри: «гомеостатический» человек, стремясь к душевному равновесию, расплачивается за него уязвимостью; «гедонистический» человек объективно ставит себя перед дилеммой: либо пресыщение, либо необходимость постоянно обновлять свои ощущения, что приводит его в ситуацию риска с сомнительными по своим гедонистическим результатам последствиями; «прагматический» человек, о котором иногда говорят, что его сознание озабочено будущим и находится не там, где находится его тело (Э. Берн), упускает достигнутое во имя того, что будет упущено им позже.

Либо
телеологическая
парадигма, либо
идея субъективности

Итак, вырисовывается дилемма: либо телеологическая парадигма, представленная различными вариантами «нацеленности» индивида на конечную Цель (и тогда человек бессубъектен, то есть не выступает как причина себя), либо идея субъективности (и тогда постулату сообразности должен быть противопоставлен альтернативный принцип истолкования активности). Таков принцип неадаптивности – расхождения между целью стремлений и достигаемыми результатами. Индивид здесь выступает как «трансцендирующее существо». Однако при этом неадаптивность как выход за границы предустановленного может иметь произвольный и непредотвратимый характер.

Следовательно, если отказаться от принципа неадаптивности, то сейчас же выясняется, что идея субъективности девальвируется: *свобода* человека подме-

няется его зависимостью от внешних обстоятельств и поворотов судьбы; *целеустремленность* обесмысливается и выглядит самообманом; *целостность* утрачивается; *развитие* лишается вектора.

Принцип активной неадаптивности. Влечение к непредрешенному

Возможный путь восстановления в правах представлений о субъектности индивида заключается в принятии идеи *самотрансценденции*. Суть самотрансценденции состоит в предпочтении индивидом действий, результат которых непредрешен. Открывающаяся индивиду перспектива неизведанного переживается им как вызов, отвечая на который он производит (полагает) себя как субъект. Стремясь предрешить непредрешенное, он превращает свою зависимость от обстоятельств в зависимость обстоятельств от себя как деятеля. Поступая на свой страх и риск, он выявляет особое, скрытое под спудом других его черт качество – «быть субъектом» себя самого, или, иначе, – причиной себя.

Класс явлений активной неадаптивности витальных проявлений индивида

На основе разработанного В. А. Петровским метода «виртуальной субъектности» [5; 6] очерчен класс явлений активной неадаптивности в витальных проявлениях индивида («бескорыстный риск»), в его духовно-практической деятельности («презумпция существования решения»), в деятельности общения («испытание близости доверием»), деятельности самосознания («парадокс Эдипа», то есть нежелание, чтобы тебя «вычислили»; устремленность к измененным состояниям сознания) и др. Описан гипотетический механизм продуцирования активно-неадаптивных действий: имитация условий, породивших неординарный опыт (в том числе и негативный, что противоречит «закону эффекта» Торндайка). Выделены такие разновидности воспроизводства условий неординарного опыта, как «эвристическое моделирование» (что в моих действиях привело к успеху?), «фрустрационное моделирование» (что в моих действиях вызвало неуспех?) и «моделирование границ» (в каких пределах успех для меня вероятнее неуспеха?). Парадокс состоит в том, что в ряде случаев для того, чтобы избежать неуспеха в будущем, необходимо подвергнуть себя риску неуспеха в настоящем – «пройтись по кромке». А это чревато травмой. Требуется дополнительное побуждение к действию, в функции которого и выступает мотив самоиспытания индивида как субъекта активности.

Становление и существование – не одно и то же

В теории самопричинности личности принципиально различаются моменты становления (активная неадаптивность) и существования индивида как субъекта

екта. «Существовать» – значит воспроизводиться, то есть обретать качество своей отраженности в мире (качество «инобытия»).

Метафорически проблема формулируется так: если принять, что, отстаивая свою субъектность, человек преодолевает границы себя как деятеля в своих жизненных, предметных или социальных отношениях с миром, а также в отношениях, сложившихся с «самим собой», то спрашивается: «выходя», в какие миры он «входит», то есть где обретает свою отраженность?

«Где существует личность?»
(Э. В. Ильенков)

Формулировка того же вопроса, только в другом контексте анализа, была предложена отечественным философом Э. В. Ильенковым. Вопрос этот звучал эпатирующе просто: «Где (в каком пространстве) существует личность?».

В теории самопричинности личности В. А. Петровского совмещаются четыре ответа на этот вопрос: Жизнь, Культура, Другой человек, Я сам – вот те «пространства», где существует личность. Речь, повторяем, идет о существовании *личности как единомножия субъектов жизнедеятельности, предметной* (культурупорождающей) *деятельности, деятельности общения* и, наконец, *деятельности самосознания*. Иначе говоря, предполагается, что человек каждой из своих субъектных ипостасей, трансцендируя, вступает в каждую из четырех этих сфер, обретая таким образом в них свое присутствие (человек есть «присутствие», писал М. Хайдеггер).

Феноменология «отраженной субъектности»

Наиболее полно такая трактовка личности реализована в исследованиях «отраженной субъектности» (персонализированности) индивида в жизненном мире других людей. Именно в этой сфере с особой рельефностью выступает феномен нетождественности «индивидуального» и «личностного» в человеке.

Личностное в индивиде как субъектообразующая форма его бытия

Обобщением сказанного о личности в теории самопричинности может служить следующее наиболее общее понимание личностного в индивиде. Личностное есть особая – идеальная – форма бытия человека, придающая ему свойство субъектности, то есть способности быть причиной себя, воспроизводить свое бытие в мире.

Синхронический и диахронический аспекты субъектности

Принципиально возможны два ракурса анализа источника и форм обнаружения субъектности человека: синхронический (феноменология «здесь-и-теперь-бытия» личности) и диахронический (анализ того, как складывается и постепенно выявляется в эволюционно-историческом ряду субъектное качество человека).

Сравнение двух концепций личности – В.А. Петровского и А.Г. Асмолова

В этой связи есть смысл сравнить единые по своим базисным ориентирам теорию личности как самопричинного существа [4–6] и теорию личности, складывающуюся в рамках историко-эволюционного подхода А.Г. Асмолова [7].

Логико-теоретическая аргументация и опорные феномены первой отражают скорее синхронический аспект существования личности. Полагая себя как субъект и запечатлеваясь в своей субъектности, человеческий индивид присутствует в том «психологическом пространстве», которое он может освоить физически или мысленно. Он действует в той «части» истории, которая столь же является историей человечества, сколь и его собственной личной историей. Путь, который он прошел сам и который будет пройден им вместе с другими (а в конечном счете – за гранью физического его бытия) посредством других, субъективируется им как имманентная часть его самого, что и «схвачено» в формуле *causa sui*.

Историко-эволюционный подход к пониманию личности

Иной аспект особо выделен и разработан в рамках историко-эволюционного подхода к пониманию личности [7]. Метафорически центральная проблема формулируется здесь в виде вопроса: если личность есть, то «зачем» она есть? Метафоричность вопроса состоит, очевидно, в том, что автор анализируемого подхода, конечно, далек от какой-либо телеологизации истории, в том числе и взаимоотношений, складывающихся между Личностью и Историей. Наоборот, ему претит какая-либо *рационализация* происходящего. Речь идет лишь о том, чтобы понять, почему феномен личности сохранился, а точнее, постоянно воспроизводится в истории, какую роль «нерациональное» (скажем еще более определенно – «иррациональное») играет в процессе становления человека человеком.

Личность как системное качество индивида

В личности как системном качестве индивида А.Г. Асмоловым выделяется социотипическое (его характеризует преемственность) и индивидуально-своеобразное, выражаемое термином «индивидуальность». В центре внимания при этом оказываются: филогенетические предпосылки и следствия вариативности индивидов, становление образцов «необщего действия» (точнее, становление «необщности» как образца, ценности), механизмы становления, функционирования (установки) и блокирования стереотипов, застопоривающих прогресс, своего рода типизация нетипичных индивидумов (они-то и способны внести вклад в движение истории), построение и практиче-

ская реализация новых моделей образования, центрированных на индивидуальности человека. Таким образом, в рамках этого особого диахронического подхода к психологическому постижению личностного, в человеке личность рассматривается как субъект превращения эволюции в историю.

Личность:
определение
собственных границ
и выход за их
пределы

Итак, личность как форма существования и порождения субъектности индивида представлена феноменами не только его «здесь-и-теперь-бытия», но и его движения в истории. В новом ракурсе они подтверждают взгляд на личность как самопричинное существо, сущность которого состоит в определении собственных границ и выходе за их пределы, а существование – в многомерной отраженности индивида в мире.

Как же вычленить собственно личностные характеристики индивида в сфере его взаимоотношений с другими людьми, если считать, что они не совпадают с индивидуально-типологическими особенностями человека и не растворяются без остатка в межиндивидных связях?

Три пространства
существования
личности

В силу единства, но не тождества личности и индивида личность как особое «системное качество» индивида раскрывается не в одном «пространстве», или «психологическом измерении», но в трех пространствах. В.А. Петровский выделяет *три аспекта рассмотрения личности*, три ее репрезентации [8].

Погруженность в
пространство
индивидуальной
жизни

Первое измерение, первый аспект – личность трактуется как свойство, погруженное в пространство индивидуальной жизни субъекта. Личность, прежде всего, выступает в аспекте ее индивидуальности, в ее отличиях от других. В этом же измерении обнаруживаются социально-культурные варианты понимания личности, где подчеркивается социальная детерминация особенностей ее поведения и сознания. Здесь же и понимание личности как субъекта активности. В этих интерпретациях содержатся различные способы понимания единичного и всеобщего в индивиде. Индивид, взятый в своих индивидуальных различиях, выступает в своей нетождественности всеобщему. Через свое неслияние с ним он выявляет себя как личность. Вместе с тем в идее присвоения индивидом элементов культуры (предметного бытия общественного целого) личность утверждает свою общность с социальным целым. В идее активности индивид как личность оказывается как бы поверх барьеров своей природной или ситуативной ограниченности.

Погруженность в пространство межличностных связей

Второе измерение – способ понимания личности, где сферой ее определения и существования становится «пространство межличностных связей». Не сам по себе индивид, способный к деятельности и общению, а процессы, в которые включены по меньшей мере два индивида (а фактически общность, группа), рассматриваются в качестве носителей личности каждого из них. Из этого следует, что личность как бы обретает свое особое бытие, отличающееся от телесного бытия индивида: «Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в «ансамбле») предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку «структуры личности» в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности».

Рассмотрение личности в интерличностном пространстве

Примечательно, что, переводя рассмотрение личности в это интерличностное пространство, мы обретаем возможность ответить на вопрос о том, что представляют собой многие хорошо исследованные социальной психологией феномены (самоопределение личности и т. д.). Что это: собственно групповые или личностные явления? По-видимому, в интерличностном измерении ложная альтернатива (личностное или групповое?) оказывается преодоленной. Личностное выступает через групповое, групповое – через личностное. Вопрос, таким образом, снимается.

Погруженность в пространство бытия другого индивида

Наконец, *третье измерение*. Необходимость обратиться к нему продиктована некоторыми реальными ограничениями, которые приходится иметь в виду. Спрашивается: а что происходит с личностью индивида за пределами интерличностного пространства? Продолжает ли личность как системное качество индивидов, пребывающих в ситуации взаимодействия, «существовать» и за границами общей для них ситуации, «по ту сторону» актуального общения? Второй вопрос. До сих пор бытие личности предполагалось существующим, то есть развертывающимся и фиксирующимся главным образом в предметно-вещной или функционально-инструментальной, объектной стороне связей между индивидами. Но, может быть, существуют собственно субъектные формы фиксации бытия данного индивида

в других людях? И последний вопрос. Интерсубъектные представления о личности исходят из имплицитного допущения тождества социальной активности и ее конечных эффектов. Но это не всегда так. Индивид способен вызвать значимые для другого индивида изменения, однако от собственных побуждений первого лица прямо не зависящие, возникающие как бы помимо, а иногда даже вопреки его воле. *«Так кто ж ты, наконец? – Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»* (И. Гёте. Фауст). Нет необходимости говорить об очевидных противоположных случаях бесплодной активности. Поэтому не следует ли эффекты воздействия выделить в особую категорию психологических явлений, хотя и связанных, но не отождествляемых с проявлениями социальной активности индивидов?

Третье измерение личности индивида и будет ответом на все эти вопросы.

Пространство, в котором разворачивается личность как системное качество индивида

По-видимому, существует еще одно пространство, в котором разворачивается личность как системное качество индивида. Личность при этом не только выносится за рамки самого индивидуального субъекта, но и перемещается за пределы его актуальных связей с другими индивидами, за пределы наличной совместной деятельности с ними. Здесь как бы вновь происходит погружение личностного в пространство бытия индивида, но на этот раз – в пространство «другого» («других»). В этом случае в центре внимания психолога оказываются вклады в других людей, которые субъект вольно или невольно осуществляет посредством деятельности. Индивид выступает как субъект этих активно осуществляемых преобразований так или иначе связанных с ним людей. Таким образом, мы уже видим личность под новым углом зрения: важнейшие характеристики личности, которые традиционно пытались усмотреть в наборе имманентных качеств индивида, предлагается искать не только в нем самом, но и в других людях.

Личность как идеальная представленность индивида в других людях

Следовательно, прокладывается новый путь интерпретации личности: она выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его «инобытие» в них (и, между прочим, в себе как «другом»), как его персонализация. Сущность этой идеальной представленности, этих «вкладов» – в тех реальных смысловых преобразованиях в действенных изменениях интеллектуальной и аффективно-потребностной сферы личности другого человека, которые производят деятель-

ность индивида и его участие в совместной деятельности. «Инобытие» индивида в других людях – это не статический отпечаток. Речь идет об активном процессе, о своего рода продолжении себя в другом. Здесь схватывается важнейшая особенность личности (если она действительно личность) – обрести вторую, имеющую свою динамику, жизнь в других людях, производить в них долговечные изменения.

Проблема личного бессмертия

Феномен персонализации открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия. Если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает. Вспомним слова А. С. Пушкина: *«Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит»*. Индивид как носитель личности уходит из жизни, но персонализированный в других людях, он продолжается. Продолжается, порождая у них переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представленностью индивида и его материальным исчезновением. В словах «он живет в нас и после смерти» нет ни мистики, ни чистой метафоричности; это констатация факта разрушения целостной психологической структуры при сохранении одного из ее звеньев.

Разумеется, личность может быть характеризуема только в единстве всех трех предложенных аспектов рассмотрения: как обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как представителе социального целого. Одна и та же черта личности выступает по-разному в каждом из «пространств», но это та же самая черта.

Активность личности: выход за рамки заданного, поступки, деяния

Определяющей характеристикой личности служит ее активность, которая в интраиндивидуальном плане выступает в явлениях выхода за рамки ситуативных требований и ролевых предписаний (реактивности), то есть в феноменах «надситуативной», «надролевой» активности; в интериндивидуальном плане – в поступках, социальных актах; в метаиндивидуальном плане – в деяниях, то есть в реальных вкладах в других людей. Понятие «деяние» используется здесь в смысле, близком к гегелевской трактовке: «Деяние – это, собственно говоря, произведенное изменение и произведенное определение наличного бытия. К поступку же отно-

сится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно, что воля признает своим».

Следуя логике принятого подхода, можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах (и в частности в самом себе как «другом») что формирует в других идеальную его представленность – его «личность», то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности.

Индивид может достигнуть ранга исторической личности

Индивид может достигнуть ранга исторической личности в определенной социально-исторической ситуации только в том случае, если эти изменения затрагивают достаточно широкий круг людей, получая оценку не только современников, но и истории, имеющей возможность взвесить эти личностные вклады достаточно точно. Напомним, что, изменяя других, личность тем самым изменяет себя и что ее вклады в других есть изменение и преобразование ее собственных личностных характеристик («Через других мы становимся сами собой», – писал Л. С. Выготский).

«Безличность» – метафора нейтрино (В. А. Петровский)

Индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрину – гипотетической частице, которая пронизывает любую, сколь угодно плотную среду, не производя в ней никаких – ни полезных, ни вредных – изменений. «Безличность» – это характеристика индивида, безразличного для других людей, человека, от которого «не жарко и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни и тем самым лишает его самого личности.

«Личность» – метафора радиации: полезной и вредной (А. В. Петровский)

Личность метафорически можно трактовать как источник некоей мощной радиации, преобразующей связанных с этой личностью в условиях деятельностного опосредствования людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становится причиной различных мутаций и т.д.).

Может возникнуть вопрос: если личность и индивид нетождественны, то, считая теоретически возможным наличие индивида, не реализовавшего себя как личность, допустимо ли предположить существование личности без индивида? Допустимо, но это будет квазиперсона [9, с. 234]. Если даже предположить, как считают атеисты, что не было Иисуса Христа как конкретного индивида, его личность, сконструированная

евангельскими текстами, оказывала огромное влияние на социальную жизнь и христианскую культуру в течение двух тысячелетий, структурируя личности и судьбы людей, их взгляды, чувства и убеждения. Преобразующее влияние здесь оказывается не менее действенным, чем влияние иной какой-либо исторической личности.

Индивид без личности – явление исключительное

Разумеется, индивид без личности, как и квази-личность без индивида, – это явление исключительное, но обращение к такой гипотетической ситуации как мысленному эксперименту достаточно показательно для понимания проблемы единства и нетождественности личности и индивида. Вместе с тем рассмотренная здесь идея трех измерений в описании личности не может быть, как мы считаем, сведена к проблеме соотношения индивида и личности. Она открывает возможность ответить на многие другие, давно (еще в 1920–1930-е годы) поставленные вопросы психологии личности.

Л. С. Выготский о личности

Рассматривая состояние психологической науки, Л. С. Выготский отмечал, что для нее до сих пор остается закрытой центральная и высшая проблема всей психологии – проблема личности и ее развития. И далее: «Только решительный выход за методологические пределы традиционной детской психологии может привести нас к исследованию развития того самого высшего психического синтеза, который с полным основанием должен быть назван личностью ребенка».

Обратившись к трудам Л. С. Выготского, можно выделить по меньшей мере четыре идеи, исключительно конструктивные и образующие в целом определенные предпосылки для становления психологической концепции личности, оформление которой заботит нас сегодня [10; 11].

Идея активности индивида

Первая из них – это идея активности индивида, с особенной силой выступившая не только в теоретических конструкциях Л. С. Выготского, но и в разработанном им инструментальном методе исследования развития высших психических функций. В позднейших интерпретациях, но конкретных приложениях инструментального метода подчеркивалось прежде всего значение орудия для формирования высших психических функций, но фактически не уделялось должного внимания принципу свободного обращения индивида к орудию (использование знака или отказ от него, форма обращения со знаком и т.д.). Между тем в экспериментальных исследованиях Л. С. Выготского (в отличие от

таких современных методов формирования психических функций, как алгоритмизация обучения или поэтапное формирование умственных действий) обращение к орудию и способы действия с ним не предписывались и тем более не являлись сколько-нибудь принудительными. Орудие рассматривалось Л. С. Выготским как возможная точка приложения сил индивида, а сам индивид выступал как носитель активности. В инициативе индивида, обращающегося или не обращающегося к орудию, в самом способе использования орудия сказывалась и отчетливо выступала перед исследователем непосредственно не нормированная социумом активность.

Суть
инструментального
метода

Суть разработанного Л. С. Выготским инструментального метода – по крайней мере в плане возрастного подхода – как раз и состояла в том, чтобы установить активную роль субъекта, ребенка, обращающегося к орудию. В частности, предполагалось выяснить возрастные границы обращения ребенка к внешнему средству, как, впрочем, и возрастные рубежи отмирания потребности во внешних средствах, организующих деятельность. Переход извне вовнутрь изначально трактовался Выготским как обусловленный активностью субъекта. Одной из важнейших теоретических предпосылок инструментального метода явился именно принцип активности индивида – «активное вмешательство человека в ситуацию», его «активная роль, его поведение, состоящее во введении новых стимулов».

«Человека забыли», – писал Л. С. Выготский, критикуя механическую схему «стимул–реакция». Таким образом, он наметил своего рода возврат человека в психологию, вплотную подведя ее к проблеме личности как активного индивида.

Идея
опосредованности
психических свойств

Вторая идея, возникающая на путях преодоления натуралистического подхода к психологическим феноменам, – мысль Л. С. Выготского об основной особенности психических свойств человека: их опосредованном характере. Функцию опосредствования, как известно, обеспечивают знаки, с помощью которых происходит овладение поведением, его социальная детерминация. Применение знаков, то есть переход к опосредствующей деятельности, в корне перестраивает психику, усиливая и расширяя систему психической активности. Именно эта идея оказалась особенно плодотворной для разработки наиболее развитых отраслей психологической науки, прежде всего детской и педагогической психологии. Принцип опосредствования

оказался здесь ведущим, активно противостоящим бихевиористским схемам.

Как было показано выше, теоретический принцип, столь продуктивный для областей психологии, составивших предмет особого интереса Л. С. Выготского, был распространен на область социальной психологии, в частности на изучение групп и отношений между людьми, на психологию личности в группах. Эта позиция определила в 1970-е годы поиск, направленный на адекватное теоретическое решение проблемы межличностных отношений.

Идея
интериоризации
социальных
отношений

Третья идея – положение об интериоризации социальных отношений. При рассмотрении генезиса высших психических функций ребенка эта идея выступила в трудах Л. С. Выготского, прежде всего, с «безличной», орудийной стороны. Он отмечает, что знак, находящийся вне организма, как и орудие, отделен от личности и служит, по существу, общественным органом или социальным средством. Однако в рамках тех же представлений существовала возможность разрабатывать наряду и в связи с вопросом об интериоризации орудийных моментов проблему интериоризации собственно субъектных (активных, интенциональных) моментов, представленных в социальных отношениях.

Акты
интериоризации
совершаются в
процессах общения

Акты интериоризации, как отмечал Л. С. Выготский, совершаются главным образом в процессах общения. Общение рассматривается им как процесс, основанный на разумном понимании и намеренной передаче мыслей и переживаний с помощью известной системы средств. Последнее означает, что социальные отношения, оставаясь орудийно опосредствованными, суть отношения конкретных индивидов. Следовательно, они несут отпечаток их индивидуальности. Выготский пишет о «передаче переживаний». Допустимо предположение, что в этих процессах происходит как бы перенос индивидуальных характеристик общающихся и формирование идеальной представленности их в чужом «Я». Не в том ли состоит специфика обучения в отличие от воспитания, что первое связано преимущественно с орудийно-безличным характером передачи и усвоения социального опыта, а второе – с трансляцией прежде всего субъектных качеств индивидов. И тогда (в иных терминах) первое – трансляция «значений», второе – «личностных смыслов» и переживаний. И то и другое, впрочем, выступают в единстве, распадающемся лишь в условиях теоретического анализа или дидактического изложения.

Личность выступает в качестве своеобразного синтеза качеств индивида

Представляется, если следовать самой логике раз-
вертки идей активности, опосредствованности и инте-
риоризации социальных отношений, то личность (в
данном случае, разумеется, для нас, а не для
Л. С. Выготского) выступает в качестве своеобразного
синтеза собственных качеств данного индивида и
интериоризированных субъектно-интенциональных
качеств других индивидов. К этому выводу мы неиз-
бежно приходим, если брать понятие интериоризации
в полном объеме, а не только в утилитарно-практиче-
ском. Личность тогда оказывается невозможной без
интериоризированных в данного индивида других
индивидов, формирующих свое «представительство» в
первом, ибо, как было отмечено Л. С. Выготским,
«через других мы становимся самими собой». Лич-
ность индивида должна быть раскрыта также и со сто-
роны бытия данного индивида в других индивидах и
для других индивидов.

Кто из других людей
представлен во мне
и как я сам в ком
состою в качестве
«другого»

Оказывается, что конкретно охарактеризовать лич-
ность – значит ответить не только на вопрос о том, кто из
других людей и каким образом представлен (интерио-
ризован) во мне, но и как я сам и в ком именно состою
в качестве «другого», как бы изнутри определяя чье-
либо сознание и поведение.

Здесь, следовательно, открывается и новая пробле-
ма: каким образом индивид обуславливает свое «при-
сутствие» в других индивидах. Выясняя, что представ-
ляет собой данный индивид «для других» и «в других»,
как и то, что они представляют «для него» и «в нем»,
мы, в первую очередь, сталкиваемся с эффектом «зерка-
ла», когда некто как бы отражается в восприятии, суж-
дении и оценках окружающих его индивидов. Эта
линия исследования представлена во множестве пси-
хологических работ по социальной перцепции
(Г. М. Андреевой и др.).

Феномены
и механизмы
реальной
представленности
индивида как
субъекта

Другой путь, практически лишь намеченный, ори-
ентирует исследователя на анализ феноменов и меха-
низмов реальной представленности данного индивида
как субъекта активности в жизнедеятельности других
людей. На этом пути «для других» бытие индивида
выступает как относительно автономное («отщеплен-
ное», «независимое») от него самого. По существу, перед
нами проблема «идеального бытия» индивида.

Идея переходов
«в-себе», «для-
других», «для-себя
бытия»

И наконец, четвертая идея, только пунктирно наме-
ченная Л. С. Выготским: становление личности заклю-
чается в переходах между состояниями «в-себе», «для-
других», «для-себя-бытия». Эта идея была им проиллю-

стрирована на примере всего развития высших психических функций: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других. Это и есть процесс становления личности».

С этим положением Л. С. Выготского нельзя не согласиться, но нужно задать вопрос: а что именно личность «предъявляет для других?» Действие? Поступок? Или, может быть, что-то еще?

Моральное
последствие
искусства

В своей ранней работе «Педагогическая психология» Л. С. Выготский весьма близко подошел к рассмотрению этой проблемы. Надо сказать, что наиболее интересные страницы этой книги касаются эстетического восприятия и переживания, художественного воспитания ребенка. Л. С. Выготский уделял особое внимание изучению волновавшей его проблемы «морального последствия искусства», в котором действие перетекает в его результат, не предусмотренный намеренно. «Моральное последствие искусства, несомненно, существует и обнаруживается не в чем другом, как в некоторой внутренней проясненности душевного мира, в некотором изживании интимных конфликтов и, следовательно, в освобождении некоторых скованных и оттесненных сил, в частности сил морального поведения».

Что же превращает «моральное последствие искусства» в своеобразное деяние? Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Выготский приводит ряд примеров из художественной литературы. Так, он вспоминает рассказ А. П. Чехова «Дома», где повествуется о неудачной попытке отца путем сухих нравоучений объяснить семилетнему мальчику предосудительность курения. Но лишь рассказав наивную сказочку о старом короле и его маленьком сыне, который от курения заболел и умер, отец достигает эффекта, для него самого неожиданного: сын упавшим голосом говорит, что курить больше не будет. Сказка обеспечила «моральное последствие искусства». «Самое действие сказки возбудило и прояснило в психике ребенка такие новые силы, дало ему возможность почувствовать и боязнь, и заинтересованность отца в его здоровье с такой новой силой, что моральное последствие ее, подталкиваемое предварительной настойчивостью отца, неожиданно сказалось в том эффекте, которого тщетно добивался отец раньше».

Эффекты
несовпадения
намерений субъекта
и произведенного
результата

К такого рода примерам Л. С. Выготский обращался не раз. Складывается впечатление, что его вообще интересовали эффекты несовпадения намерений субъекта

екта и произведенного результата. Иными словами, его занимала проблема личностных, смысловых преобразований другого человека как аспект соотношения «в-себе», «для-других» и «для-себя-бытия» индивида. Он пытается интерпретировать психические акты в свете представлений об «активности эстетического переживания», выдвигая гипотезу о существовании особой деятельности, составляющей природу эстетического переживания.

Л. С. Выготский писал, о том что мы еще не можем сказать точно, в чем она заключается, так как психологический анализ не сказал еще последнего слова о ее составе, но уже и сейчас мы знаем, что здесь идет сложнейшая конструктивная деятельность, осуществляемая слушателем или зрителем и заключающаяся в том, что из предъявляемых внешних впечатлений воспринимающий сам строит и создает эстетический объект, к которому уже и относятся все его последующие реакции.

«Вторичный творческий синтез»

Эту деятельность Л. С. Выготский обозначает как «вторичный творческий синтез».

В этой связи личность как система обнаруживает себя дважды: в первый раз – в актах социально ориентированной активности, в действиях и поступках, второй раз – в завершающих поступок актах «вторичного творческого синтеза», основанного на встречной активности другого лица.

Взгляды Л. С. Выготского вплотную подводят к пониманию личности как особой формы организации взаимной активности данного индивида и других индивидов, где реальное бытие индивида органически связано с идеальным бытием других индивидов в нем (аспект индивидуальности) и где в то же время индивид идеально представлен в реальном бытии других людей (аспект персонализации).

Идеи Л. С. Выготского, которые складывались главным образом в психологии познавательных процессов и в возрастной и педагогической психологии, успешно экстраполированы в область психологии личности и оказываются там существенно важными для разработки ряда теоретических принципов. Так, можно предположить, что на определенном этапе общественного развития личностное как системное качество индивида начинает выступать в виде особой социальной ценности, своеобразного образца для освоения и реализации в индивидуальной деятельности людей.

Потребность быть личностью – потребность в персонализации (А. В. Петровский, В. А. Петровский)

Выделяя себя как индивидуальность, человек полагает себя в общности

В обществе складывается своеобразная система «социального страхования»

Гипотетическая «социогенная потребность» быть личностью

Запечатлевая, продолжая себя в других членах общества, человек упрочивает свое существование. Обеспечивая посредством активного участия в деятельности свое «инобытие» в других людях, индивид объективно формирует содержание своей потребности в персонализации [14]. Субъективно последняя может выступать в мотивации достижения, притязаний на внимание, славу, дружбу, уважение, положение лидера и может быть или не быть рефлексирована, осознана. Потребность индивида быть личностью становится условием формирования у других людей способности видеть в нем личность, жизненно необходимую для поддержания единства, общности, преемственности, передачи способов и результатов деятельности и, что особенно важно, установления доверия друг к другу, без чего трудно надеяться на успех общего дела.

Выделяя себя как индивидуальность, добиваясь дифференциальной оценки себя как личности, человек полагает себя в общности как необходимое условие ее существования, поскольку он производит всеобщий результат, что позволяет сохранять эту общность как целое. Общественная необходимость персонализации очевидна. В противном случае исчезает и становится невыносимой доверительная, интимная связь между людьми, связь между поколениями, где воспитуемый впитывает в себя не только знания, которые ему передаются, но и личность передающего. На определенном этапе жизни общества эта необходимость выступает в виде ценностно-закрепленных форм социальной потребности.

Процесс, благотворный для общества в целом, не менее благотворен для каждого индивида. Прибегая к метафоре, можно сказать, что в обществе изначально складывается своеобразная система «социального страхования» индивида. Осуществляя посредством деятельности позитивные вклады в других людей, щедро делясь с ними своим бытием, индивид обеспечивает себе внимание, заботу, любовь и уважение. Не следует понимать это узкопрагматически. Продолжая свое бытие в других людях, человек необязательно предвкушает будущие дивиденды. Он действует, имея в виду конкретные цели деятельности, ее предметное содержание, а вовсе не то, чем для других индивидов оборачиваются его деяния (хотя не исключена и осознанная потребность в персонализации).

Гипотетическая «социогенная потребность» быть личностью, очевидно, реализуется в стремлении субъекта быть идеально представленным в других людях,

жить в них, что предполагает поиск деятельностных средств продолжения себя в другом человеке. Подобно тому как индивид стремится продолжить себя в другом человеке физически (продолжить род, произвести потомство), личность индивида стремится продолжить себя, обеспечив свою идеальную представленность, свое «инобытие» в других людях. Это позволит понять сущность общения, которое невозможно свести только к обмену информацией, к актам коммуникации. Общение представляет собой процесс, где человек делится своим бытием с другими людьми, запечатлевает, продолжает себя в них и благодаря этому выступает для них как личность.

Потребность в персонализации обеспечивает включение индивида в систему социальных связей

Потребность быть личностью, потребность в персонализации обеспечивает активность включения индивида в систему социальных связей, в практику и вместе с тем оказывается детерминированной этими социальными связями. Стремясь включить свое «Я» в сознание, чувства и волю других посредством активного участия в совместной деятельности, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым потребность персонализации. Однако удовлетворение потребности, как известно, порождает новую потребность более высокого порядка. Этот процесс не является конечным. Он продолжается либо в расширении объектов персонализации, в появлении новых и новых индивидов, в которых запечатлевается данный субъект, либо в углублении самого процесса, то есть в усилении его присутствия в жизни и деятельности других людей.

...Отнюдь не в безвоздушном пространстве «общения душ»

Реализуя потребность быть личностью и перенося себя в другого, индивид осуществляет эту «транспортировку» отнюдь не в безвоздушной среде «общения душ», а в конкретной деятельности, производимой в конкретных социальных общностях. Экспериментальные исследования подтвердили гипотезу, что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в группе высшего уровня развития, где персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех. В группах корпоративного типа, напротив, каждый стремится быть персонализирован за счет деперсонализации других. Этот психологический факт фиксирует концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений.

Потребность в персонализации и мотивы поведения индивида

В том случае, когда потребность индивида осуществить себя в качестве личности дана имплицитно как

скрытая мотивация его поступков и деяний (а чаще всего так и происходит), она выступает в качестве существенной характеристики, представленной в многочисленных и хорошо изученных в психологии явлениях: мотивации достижения, притязаниях, аффилиации, склонности к риску, эмпатии и т.д. Для многих исследователей личности типичны попытки или выводить эти феномены друг из друга, или сводить один к другому, или находить их основания то в прагматической нацеленности человеческой мотивации, то в имманентном стремлении к «самореализации» и «самоактуализации».

Идея потребности индивида в персонализации, как можно надеяться, позволит понять и реинтерпретировать эти феномены, увидеть за конкретными психологическими явлениями их внутреннюю сущность.

Возможность
реинтерпретации
«каталога мотивов»
(А. В. Петровский)

Можно рассмотреть возможность подобной реинтерпретации применительно к каталогу мотивов, предложенному оксфордским профессором психологии М. Аргайлом. Причем вовсе не потому, что этот перечень как-то особенно интересен или оригинален, а как раз наоборот: вследствие его типичности для большинства традиционных концепций личности.

М. Аргайл выделил *семь мотиваций поведения личности*: 1) несоциальные потребности, которые могут продуцировать социальное взаимодействие (биологическая нужда в пище и воде, порождающая потребность в деньгах); 2) стремление к зависимости (потребность в протекции, помощи и руководстве, особенно со стороны лиц, находящихся в позиции власти и авторитета); 3) тенденция аффилиации (стремление войти в соприкосновение с другими, добиться определенной степени интимности); 4) тенденция доминирования, лидирования, стремление брать на себя решение, влиять на группу; 5) сексуальные потребности; 6) тенденция к агрессии; 7) потребность в самооценке, связанная со стремлением получить одобрение со стороны окружающих.

Что образует основу
мотиваций
поведения личности?

Классификация М. Аргайла не отличается логической строгостью (не ясно, что берется за ее основу, исчерпываются ли мотивы этим перечнем и т.д.). Представляет интерес другая сторона его построений. Что образует основу всех этих мотиваций? О «несоциальных потребностях» нечего и говорить: их происхождение для автора очевидно. Но остальные? «Секс, агрессия и аффилиация также имеют инстинктивную основу», – писал Аргайл, ссылаясь на данные Х. Харлоу (1962), показавшего, что обезьяны, которые воспитывались без контак-

та с матерями, впоследствии обнаруживали слабый интерес к противоположному полу. Мотивация зависимости также иллюстрируется известными опытами Х. Харлоу с детенышами обезьян. Следовательно, она также интерпретируется как инстинктивная. Не изменяется позиция у автора и при трактовке доминирования: он утверждал «инстинктивное происхождение доминирующего поведения». И только последняя из мотиваций (самооценки, поддержания образа собственного «Я») как будто бы признается свободной от биологических корней и параллелей.

Могут ли шесть перечисленных выше социальных мотиваций (если вынести за скобки первую из семи как собственно несоциальную) получить иную интерпретацию? Причем такую интерпретацию, которая не сводила бы их на биологические основы, к инстинктивному поведению, но и не ограничивалась бы простым указанием на социальное происхождение, а давала бы содержательную трактовку?

Потребность
индивида быть
личностью –
фундаментальная
социогенная
потребность

Если принять, что потребность индивида быть личностью является фундаментальной социогенной (то есть заведомо не инстинктивной!) потребностью, то каждая из перечисленных выше социальных мотиваций может быть понята как ее дериват. Тогда аффилиация может быть понята как мотив, направленный на снятие барьеров на пути персонализации индивида. Агрессия (как и доминирование) могут быть рассмотрены в качестве стремления быть персонализированным в «других» вне зависимости от моральной оценки способа, которым это достигается, буквально «навязать» себя другим. Сексуальная потребность – как амбивалентное стремление продолжить себя в другом дважды: 1 – как индивида (потребность в продолжении рода, в чувственном наслаждении) и 2 – как личность (обрести «инобытие» в любимом существе, причем таким образом, чтобы вызвать у него ответную потребность в персонализации). Что касается самооценки, то она может быть понята как потребность выяснить успешность или неуспешность персонализации.

Индивидом
оценивается
наличие средств
персонализации

Однако индивидом оценивается не факт идеальной представленности в других людях (это входит в задачи и возможности психологического исследования), а наличие, характер и эффективность тех средств персонализации, которые он обретает в деятельности и общении и через которые он утверждает себя как субъекта деятельности и общения.

Особое место, видимо, должна занять мотивация зависимости. Однако существует или не существует эта

потребность как фундаментальная «социальная мотивация», утверждать нельзя. Не исключено, что эта мотивация – всего лишь необоснованная экстраполяция одной из инстинктивных форм поведения животных на поведение человека.

Потребность в персонализации не может быть рядоположена отдельным мотивам

Отношение между потребностью и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Это отношения между сущностью и явлениями. Представленная в потребности зависимость личности от общества проявляется в мотивах ее действий, но сами они при этом выступают как форма кажущейся спонтанности индивида. Если в потребности деятельность человека зависима от ее предметно-общественного содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется в виде собственной активности субъекта. Поэтому многоликая система мотивов, открывающаяся в поведении личности, богаче признаками, эластичнее и подвижнее, чем потребность в персонализации, составляющая сущность личности.

В фундаменте человеческих мотивов – два краеугольных камня: витальные потребности и потребность быть личностью

Если принять обосновываемую здесь гипотезу о мотивации как деривате потребности в персонализации, то в *фундамент мотивов человеческих поступков и действий может быть заложен даже не один, а по меньшей мере два краеугольных камня.*

Первый из них – витальные потребности человека, обеспечивающие сохранение его как индивида и продолжение рода. Впрочем этот «камень» никогда отсюда не изымался. В жизни витальные потребности (голод, жажда, половая потребность, потребность в одежде, жилище, отдыхе) связаны с множеством разнообразных мотивов поведения, в которых средства удовлетворения могут выступать в превращенной форме (например, мотивация обогащения).

Второе основание человеческой мотивации – потребность быть личностью. Мы видим две основные формы человеческой активности, мотивированные подобным образом. Об одной было сказано уже много: это собственно потребность продолжить себя в другом.

Персонализация осуществляется в деятельности

Есть и вторая форма активности.

Персонализация осуществляется в деятельности. Для того чтобы в позитивном плане быть идеально представленным в другом человеке, первому по меньшей мере нужно уметь нечто сделать или сказать что-то значимое для второго. Чтобы осуществить акт трансляции, надо иметь что транслировать. Средством персонализации, по-видимому, служат мысли, знания, художественные образы, произведенный человеком предмет, решенные задачи и т. д. Но раньше чем стать средствами пер-

сонализации, они должны были уже быть у человека. Он должен был их приобрести, выдумать, произвести, сконструировать, открыть, решить. Все это он осуществил. Во имя чего? Какая здесь действовала мотивация? Не следует ли предположить, что и здесь действует та же потребность в персонализации, только она фиксируется на предметном содержании, то есть на приобретении средств для предстоящей трансляции себя «другому». Сам же этот «другой» остается пока в тени; он не высвечивается обыденным сознанием как подлинный объект персонализации.

Мотивация творчества и потребность в персонализации

Возьмем простой случай. Художник трудится над полотном. Для чего? Что служит мотивом? Возможность выгодно продать картину? Вероятно, она присутствует. Но неужели все сводится к витальному? А что же еще? Мотивация творчества как предметного действия выступает в качестве производной от потребности человека быть личностью, то есть потребности осуществить полноценный действенный вклад в других людей, впечатлить их, произвести в них существенные смысловые и мотивационные преобразования. Тогда перед нами еще один дериват потребности в персонализации.

Антитеза не слишком ли прямолинейна?

Не слишком ли прямолинейна антитеза: либо материальный расчет, либо стремление поделиться бытием с другими? Нет ли чего-нибудь третьего? Стремление к самовыражению, самоактуализации? Наслаждение от процесса творчества? Что касается последнего довода, то его надо, что называется, «отмести с порога». Любой случай удовлетворения любой достаточно напряженной потребности сопровождается эмоциональной разрядкой, аффективным тоном, более или менее выраженным чувством наслаждения. Так что указание на аспекты эмоциональности в проявлении социальной мотивации ничего не добавляет к существующим объяснениям.

Стремление к самовыражению

Другое дело – стремление к самовыражению, самоактуализации. Это мотив, лежащий на поверхности, но за ним скрывается глубинный социальный мотив, в соответствии с которым человек не столько выражает себя в предмете творчества, сколько стремится через предмет искусства перенести себя, свое мироощущение, свое видение мира в других людей. Именно они (шире – социум) – конечная цель его творчества. Материальная связь между людьми, которая воплощена в общественные отношения, безличные по самому своему существу, порождает личностные идеальные отношения, где другие люди выступают как цель

деятельности для творца, а собственная идеальная представленность в них, воплощенная в передаваемом «значимым другим» богатстве эстетического восприятия мира, выступает как единственное оправдание мук творчества, поиска совершенства, усилий, затраченных на накопление этих бесценных ценностей.

Деятельность –
основной путь и
способ быть
личностью

Деятельность – основной путь, единственный эффективный способ быть личностью. Человек своей деятельностью продолжает себя в других людях. Произведенный предмет (построенное здание, поэтическая строка, посаженное дерево, мастерски выточенная деталь и т.д.) – это, с одной стороны, предмет деятельности, а с другой – средство, с помощью которого человек утверждает себя в общественной жизни, потому что этот предмет произведен для других людей. Этим предметом опосредствуются отношения между людьми, создается общение как производство общего.

Личность в общении
и деятельности

В психологии в последние годы дискутировалась проблема соотношения процессов общения и деятельности. Одни утверждают, что общение – это деятельность (или, по меньшей мере, частный случай деятельности). Другие исходят из того, что общение и деятельность – это два самостоятельных и равноправных процесса. Нет оснований соглашаться ни с одной, ни с другой точкой зрения. Причем не потому, что кто-либо здесь не прав, а потому, что на самом деле противоречие отсутствует.

Действительно, вопрос о том, является ли общение частью (стороной) процесса деятельности или, наоборот, деятельность – стороной общения, явно не имеет однозначного решения. Совершенно очевидно, что если мы понимаем взаимоотношения людей как опосредствованный субъект-объект-субъектный процесс, то отношения двух или более людей опосредствуются предметом деятельности; здесь деятельность выступает как сторона коммуникационного акта. Если понимать их как субъект-субъект-объектный процесс (а именно так понимаются деятельностные отношения), то отношение субъекта к объекту, содержанию, цели деятельности опосредствуется взаимоотношением с участником деятельности; тогда общение – это сторона, часть деятельности.

Обратимость
субъект-объект-
субъектных и
субъект-субъект-
объектных
отношений

Принципиальная обратимость субъект-объект-субъектных и субъект-субъект-объектных отношений полностью снимает поставленную проблему. Попытки же выяснить приоритет в истории человечества либо общения, либо деятельности подобны классической проблеме яйца и курицы.

Общение-коммуникация и общение-персонализация

Но вопрос о соотношении общения и деятельности может быть углублен в контексте предлагаемой нами концепции.

Для того чтобы производить, человек должен объединиться с другими людьми (установить с ними контакт, добиться взаимопонимания, получить должную информацию, сообщить им ответную). Здесь общение выступает как часть, сторона деятельности, как важнейший ее информативный аспект, как коммуникация. Но, создав предмет в процессе деятельности, включившей в себя общение как коммуникацию, человек этим не ограничивается. Он транслирует через созданный им предмет себя, свои особенности, свою индивидуальность другим людям, для которых он создал этот предмет. Среди них могут быть и те, кто участвовал в создании этого предмета. Среди них может быть и сам этот человек. Через созданный предмет человек трансцендирует в социальное целое, обретая в нем свою идеальную представленность, продолжая себя в других людях и в себе как в «другом».

Общение как персонализация

Это уже общение второго рода (в отличие от коммуникации, имеющей вспомогательный, «обслуживающий» характер), то есть общение как персонализация. Здесь деятельность выступает как сторона, часть, необходимая предпосылка общения. Общение в деятельности производит общее между людьми, которое выступает дважды: в условиях коммуникации – своей информационной стороной, а в условиях персонализации – личностной. В этом отношении русский язык находится в более выгодном положении, чем другие, ведь в нем могут быть использованы два понятия – коммуникация и общение.

Итак, еще раз подтверждается давняя истина: многие споры происходят из-за того, что или один и тот же предмет называют разными словами, или (как это получилось с понятием «общение»), одно и то же слово используют для обозначения разных предметов.

Социально генерированная возможность «способности быть личностью»

Таким образом, потребность быть личностью возникает на основе социально генерированной возможности осуществления соответствующих действий, которую мы называем «способностью быть личностью». Эта способность, можно полагать, есть не что иное, как индивидуально-психологические особенности человека, которые позволяют ему осуществлять социально значимые деяния, которые обеспечивают его адекватную персонализацию в других людях. Следовательно, в единстве с потребностью в персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и

результата выступает социально генерированная, собственно человеческая способность быть личностью, которая обнаруживается с помощью метода отраженной субъектности [14].

Постулаты теории личности.

Восемь постулатов
теории личности

Первый. «Природные, органические стороны и черты выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы... Биологическое существо в личности в превращенной форме как социальное» (А. В. Петровский).

Второй. «Движение деятельности, процесс ее развертывания необходимо ведет к снятию ограничений, первоначально присущих ситуации... В качестве объекта преодоления могут выступать также и потенциальные ограничения деятельности, в данном случае понимаемые как сужение возможностей субъекта в сфере целеполагания. Ограничения эти побуждают специальную деятельность, направленную на их преодоление. Этим и определяется собственно активность личности» (В. А. Петровский).

Третий. «Личность \neq индивид: это особое качество, которое приобретает индивидом в обществе... личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его природными и приобретенными качествами» (А. Н. Леонтьев).

Четвертый. «Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в ансамбле) предметных, вещественно-осязаемых, отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных (курсив наш. – А. П.) через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее, *через действия с этими вещами* (курсив наш. – А. П.)... будет искать разгадку «структуры личности» в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности» (Э. В. Ильенков),

Пятый. «...Личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей «сверхчувственны». Они заключены в конкретных индивидуальных свойствах, но к ним несводимы, они даны исследовате-

лю в проявлениях личности каждого из членов группы, но они вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, то есть смысловые образования личности, связанную систему личностных смыслов, определяющих особую позицию каждого в системе межиндивидуальных связей, шире – в системе общественных отношений» (А. В. Петровский).

Шестой. «Личность индивида выступает в трех аспектах ее психологического понимания: интраиндивидуальной, интериндивидуальной и метаиндивидуальной атрибуции... Лишь в единстве отмеченных аспектов личность раскрывается со стороны своего строения, своей структуры. Она выступает как обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как представителе социального целого» (В. А. Петровский).

Седьмой. «...Постулат максимизации, то есть стремления индивида к максимальной персонализации с вытекающими из него теоретическими гипотезами: 1) любое переживание, воспринимаемое индивидом как имеющее ценность в плане обозначения его индивидуальности, актуализирует потребность в персонализации и определяет поиск значимого другого, в котором индивид мог бы обрести идеальную представленность; 2) в любой ситуации общения индивид стремится определить и реализовать те стороны своей индивидуальности, которые в данном конкретном случае доступны персонализации. Невозможность ее осуществления ведет к поиску новых возможностей в себе самом или предметной деятельности; 3) из двух или более партнеров по общению субъект при прочих равных условиях предпочитает того, кто обеспечивает максимально адекватную персонализацию. Аналогично – предпочтение будет отдано тому, кто может обеспечить максимально долговечную персонализацию... Третьей переменной является интенсивность потребности в персонализации» (А. В. Петровский, В. А. Петровский).

Восьмой. «Источником развития и утверждения личности выступает возникающее в системе межиндивидуальных отношений (в группах того или иного уровня развития)... противоречие между потребностью личности в персонализации и объективной заинтересованностью данной общности, референтной для индивида, принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям

Методологические
основания теории
личности

функционирования и развития этой общности... личность формируется в группах, иерархически расположенных на ступенях онтогенеза (и «социогенеза». – А. П.), характер развития личности задается уровнем развития группы, в которую она включена и в которой она интегрирована» (А. В. Петровский).

Таким образом, определены исходные принципиальные позиции для построения общепсихологической теории личности. Уточним, что имеется в виду, когда она обозначается как «общепсихологическая». Речь в данном случае идет не столько о ее общей методологической и онтологической схеме (при всей ее важности), сколько о том, что данный теоретический конструкт представлен в присущих ему характеристиках и связях, которые выявляются во всех отраслях психологии: не только в так называемой общей психологии, но и в социальной, возрастной, педагогической, юридической, психологии управления, патопсихологии и других, выступая в присущей научной теории программирующей роли по отношению к соответствующей практической сфере (образованию, производству, медицине, правопорядку).

Прологомены
будущей общепсихологической теории
личности

Как и всякая научная теория, теория личности должна отвечать общему методологическому требованию: она должна дать целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности (личности человека), предложить целостную (при ее внутренней дифференцированности) систему знаний, которая содержала бы в себе методы не только объяснения, но и предсказания, возникновения определенных феноменов в определенных условиях; она должна характеризоваться логической зависимостью одних ее сторон от других и принципиальной возможностью выведения ее содержания из некоторой совокупности исходных утверждений.

Выше, в восьми тезисах, выполняющих функцию своего рода пролегоменов* к предстоящему теоретическому построению, показана совокупность утверждений (постулатов, допущений, законов и т. д.), образующих исходный базис общепсихологической теории личности. Тем самым оказывается возможным построить теоретическую модель существенных связей, выступающих в определенной психологической реальности личности

* *Прологомены* – предварительные суждения, вводящие в изучение предмета.

Теоретическая абстракция, обеспечивающая восхождение к конкретному

Общая теоретическая модель личности

человека. Возникновение теории личности не может быть оторвано от ее эмпирической основы, охватывающей множество накопленных в общей, социальной, детской психологии, патопсихологии и психотерапии фактов, добытых экспериментально, но пока еще разрозненных и не обобщенных.

Здесь в самом общем виде описана теоретическая абстракция, обеспечивающая последующее восхождение к конкретному. Только так (на пути от абстрактного к конкретному) можно развивать ее в систему взаимосвязанных концепций, содержание которых включает утверждения с их эмпирическими доказательствами, и построить конкретные теоретические конструкции, отправляющиеся от совокупности вводимых общетеоретических принципов. Если же эти концепции (а это, разумеется, отнюдь не все существующие теоретические построения, имеющие хождение в среде психологов как за рубежом, так и в России, а только те, которые отвечают указанным общим принципам) уже включены в научный оборот, то остается найти им место в общей теоретической схеме и тем самым обеспечить логическую зависимость одних элементов теории от других.

Что же представляет собой теория личности, если говорить о ее наиболее общей модели? Она, по существу, должна совпадать с определением личности, описывающим ее в системе наиболее существенных связей и зависимостей и отвечающим основным общенаучным методологическим принципам детерминизма, системности, развития. Тогда теоретическая модель личности должна быть представлена как определяемое активной включенностью в общественные отношения системное качество их субъекта (индивида), имеющее трехзвенную структуру (интра-, интер- и метаиндивидуальную его репрезентации), развивающуюся в общении и совместной деятельности и ею опосредованную.

1. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. – М., 1998.

2. *Петровский А. В.* Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопросы психологии. – 1981. – № 1. – С. 57–66.

3. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

4. *Петровский В. А.* Феномен субъектности в психологии личности: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1992.

5. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону, 1996.
 6. *Петровский В.А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. – 1975. – № 3. – С. 26–38.
 7. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М., 2002.
 8. *Петровский В.А.* К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. – 1981. – № 2. – С. 40–46.
 9. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982.
 10. *Петровский В.А.* Проблемы психологии личности в трудах Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: тезисы докладов Всесоюзной конференции. – М., 1981. – С. 122–125.
 11. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Предпосылки теории личности в трудах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1982. – № 4. – С. 14–20.
 12. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. – 1982. – № 3. – С. 44–53.
 13. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 17–30.
-